

Какую, к чёрту, невинность?! Ты ведь не первый раз!

Я с трудом сдержал крик ярости, который рвался наружу.

— Тогда что ты предлагаешь? — спросил я.

— Зови меня просто «Сынхёк-а».

— Что?..

«Сынхёк-а»? Это же... То самое обращение, которое Ли Ёнсу использовал в оригинале!

В книге Джу Сынхёк настаивал, чтобы Ли Ёнсу называл его исключительно «однокурсник» или «Эспер Джу Сынхёк». Но Ли Ёнсу, хвастаясь близостью с ним, упрямо звал его по имени.

И чем это закончилось? Жалкой смертью.

А теперь ты хочешь, чтобы я сам себе этот флаг смерти воткнул?!

Я молчал, переполненный страхом. Тогда он наклонился ко мне и, нежно потерев мою мочку уха, прошептал:

— А прошлой ночью ты всё время меня так звал.

Я дёрнулся и отшатнулся, а он, как будто обиженный, опустил взгляд.

— Моё имя трудно произносить? Тогда, может, мне имя сменить?

— Да нет, дело не в этом...

— Если хёну тяжело говорить, я поменяю. Как тебе будет удобнее?

Он уже было повернулся, будто действительно собирался идти в суд. Я в панике схватил его за одежду.

— Нет! Не трудно!

— Или тебе не нравится моя фамилия?

Этот псих... хотя, зная Джун Сынхёка, он вполне может и фамилию поменять.

— Нет, фамилия тоже нормальная.

— Тогда почему не зовёшь меня по имени?

— Просто... мне кажется, мы не настолько близки...

Я заговорил осторожно, но в глазах Сынхёка вспыхнула опасная искра.

— Отрицаешь то, что было ночью?

— Не в этом дело...

— Хён, я считаю невинность такой же ценной, как жизнь.

Ты?!

Я поспешно опустил голову, чтобы скрыть своё лицо, полное недоверия. Тогда он приподнял мне подбородок, заставив посмотреть ему в глаза.

— Если ты играл с моей жизнью, даже ты, Ли Ёнсу, не получишь прощения.

Из его руки начала струиться чёрная мана и холодным змеиным кольцом обвилась вокруг моей шеи.

Одного его движения пальцем было бы достаточно, чтобы с меня слетела голова.

— Я... я ни в коем случае не играл!

Я с трудом проговорил, сковав язык от страха. Но инстинкт самосохранения гнал меня вперёд.

— Я тоже ценю... свою невинность...

— Правда?

— Д-да. Конечно.

Голос предательски дрожал. Но даже когда я признал случившееся, чёрная мана не исчезала.

— Хён, а чего так много слов? Переходи на неофициальную речь.

— Хо... хорошо...

— «Хорошо» — это не «да».

— Ы-ы... да...

Я, едва не писаясь от страха, делал всё, что он приказывал.

— Скажи: «Сынхёк-а».

— С-сы... Сынхёк-а.

— Молодец.

С его глаз сошла угроза, и он впервые за весь день улыбнулся по-настоящему. Одновременно с этим исчезла и душившая меня мана.

— Пошли, хён.

Рука, что держала меня за подбородок, скользнула к талии. И прикосновение это было... подозрительно интимным.

Хотя у меня не было сексуального опыта... или теперь уже был? Как бы то ни было, в памяти ничего не осталось.

Но за свою карьеру гида я сталкивался со множеством эсперов, требовавших «углублённого» гайдирования. Так что интуитивно я понимал, что сейчас он собирается делать.

— Извини, но... я сегодня плохо себя чувствую. Поясница болит... Мне надо отдохнуть...

Из-за неловкости фраза прозвучала будто бы вежливо, просто без частицы «а».

— Прости, я не знал. Это всё из-за меня... Сильно болит?

Он будто действительно не знал. Его лицо было наивным и искренним.

Ага, как же... опять врёт.

— Я пойду.

— Я провожу тебя до общежития.

— Нет!

— «Нет»?..

— Н-не надо!

Я поспешно перешёл на неофициальный стиль.

— Всё нормально. Я сам дойду.

— Хорошо...

Он неохотно отпустил меня.

Стоило закрыться в комнате, как я задышал, будто после марафона.

Я не помнил, как добрался от западного корпуса до общежития. Всё, что я делал — бежал, спасаясь.

Эти холодные глаза, рука, сжимающая подбородок, и чёрная мана, душащая меня...

Да, я и раньше попадал в опасные ситуации как гид. Но такого ужаса не испытывал никогда.

Он бы и правда мог меня убить.

Почему он так себя ведёт? Это не просто издёвка... Что у него в голове?

Но сколько бы я ни ломал голову, понять, о чём думает помешанный на одержимости гг, я не мог.

— У-у... Ун-а...

Я прижался к мягкой плюшевой собаке на кровати. Это был не настоящий Минун, но он тоже

был милым и пушистым — и это немного успокаивало.

Тук-тук.

Кто это?..

В Академии сверхспособных теперь можно было выбирать — жить в общежитии или отдельно.

Я жил в самом лучшем — в первом корпусе, где обитали S- и A-ранговые.

На шестом этаже, зарезервированном для S-рангов. И я был единственным, кто жил здесь. Остальные получали жильё от спонсоров и предпочитали свободу.

Так что визиты на шестой этаж — явление крайне редкое.

— Кто там?

Может, доставка? Обычно сотрудники проверяли посылки и оставляли у двери.

— Это я.

Я сразу побледнел. Узнал этот прикидывающийся невинным голос.

— Д-джу Чынхёк?..

— Надо говорить: «Сынхёк-а».

— С-сы... Сынхёк-а.

Страх был ещё слишком свеж, и я автоматически выполнил приказ.

— Мне нравится, когда хён называет меня по имени.

Тебе нравится? После того как заставил? Как понять твою логику вообще?..

— С-сы... Сынхёк-а, а что ты здесь делаешь?..

— Ты сказал, что болеешь. Я принёс лекарства.

— Н-не стоило...

— Это ведь из-за меня. Я не мог не прийти.

— ...

— Хён, ты не откроешь дверь?

Я не знал, что сказать, чтобы отказать.

— У меня ноги болят... будешь и дальше меня мучить?..

В его тоне скользнула угроза. А вдруг он действительно сейчас дверь выломает?..

Я неохотно приоткрыл.

Почему он пришёл? Лекарства? Сомнительно. Или я сказал что-то, что его разозлило? Или... он и правда пришёл меня добить?

Я нащупал в кармане тревожную кнопку. Центр контроля выдавал такие S-ранговым гидам. Нажму — и сразу придёт помощь.

Хотя, возможно, я не успею её дождаться...

Я открыл дверь и посмотрел.

Передо мной стоял Джу Сынхёк — потный, с пакетом из аптеки в руке.

Он... он и правда ходил за лекарствами?

На улице был мороз, а он весь мокрый — значит, спешил.

— Спасибо...

Я стыдливо поклонился, и Сынхёк внезапно крепко меня обнял.

— Даже немного разлуки — и уже скучаю.

— Ух...

Его 191 см обрушились на меня, и поясница снова заняла.

— Ой, прости!

Он сразу отпрянул, словно испугавшись, что навредил. Его виноватый вид и неосознанная сила напомнили мне... большого щенка.

И это, почему-то, показалось... немного милым.

Постой, что я вообще думаю? Милый? Да он же чокнутый сталкер-маньяк!

Даже не нужно вспоминать события оригинала. Достаточно просто взглянуть на количество раненых эсперов и гидов, которых покалечил Джун Сынхёк, чтобы понять, насколько он сумасшедший ублюдок.

— Всё в порядке.

— Опять длинные объяснения.

— Всё в порядке...

— Надо принять лекарство. Пойдём внутрь.

— Угу.

Он уже и лекарства купил — нельзя же теперь просто взять и выставить его за дверь. Я кивнул, и Джун Сынхёк вошёл в комнату.

— Ты ведь не ел?

— Угу...

— Я купил тебе кашу. Быстро ешь.

Кроме пакета из аптеки у него был ещё один — видимо, с кашей.

— Не стоило так утруждаться...

— Это ведь из-за меня ты заболел.

Он мягко улыбнулся и поставил на столик, стоявший рядом с письменным столом, пластиковый контейнер с кашей. Это был раскладной стол, за которым я обычно ел. Но сейчас, когда Джу Сынхёк обращался с моими вещами, как с собственными, по спине пробежали мурашки.

— Это соленая каша. Кушай.

— Угу...

Я молча уставился на кашу.

В оригинале тоже была похожая сцена.

Джу Сынхёк подсыпал снотворное в еду Ким Джуна, а когда тот заснул, утащил его к себе домой и запер.

Любимое развлечение Джу Сынхёка — это заключение и лекарства.

Кто знает, что он подмешал и в эту кашу.

<http://bllate.org/book/14448/1277612>